

Потому что боль уже прошла.

Линь Шуяо смотрела на него, и в её глазах плясали блики. Никогда прежде она не чувствовала, как бешено колотится её сердце. Все те невзгоды и муки, всё то, что она так отчаянно пыталась похоронить в глубине души, сейчас бурным потоком хлынуло в сознание. Казалось, эта лавина неудержима, но в следующее мгновение она смиренно растворилась в теплом, мягком свете, исходившем от глаз мужчины, стоявшего перед ней.

Если все эти двести с лишним лет страданий были лишь подготовкой к встрече с тобой, значит, я наконец обрела покой. Пусть будет так, позволь мне думать именно так. — Линь Шуяо.

Линь Шуяо слегка подалась вперед и обняла его. В этом коротком объятии он услышал её шепот:

— Вэнь, я хочу помнить эти слова и в следующей жизни.

Спасибо, что не остался в стороне, когда бушевал пожар, спасибо за твое молчание и за то, что не задавал лишних вопросов, спасибо, что сейчас ты рядом.

Цзюй Гу, совершенно не умеющий выбирать момент, нарушил атмосферу:

— Мне нужно ответить на звонок.

Он бросил Вэню два апельсина. Тот легко поймал их.

— Почисть для неё, — бросил Цзюй Гу и вышел за дверь.

Вэнь кивнул.

— В следующий раз не строй такую гримасу, будто вот-вот заплачешь. Выглядит ужасно, — донесся до Цзюй Гу мужской голос, в котором отчетливо сквозила нежность.

Цзюй Гу замедлил шаг, но не обернулся и пошел дальше к выходу.

Действительно ужасно, подумал он.

Драться в одиночку против толпы — всё равно что играть со смертью. Победишь сегодня — завтра придут другие, будут вежливо расшаркиваться, якобы выражая восхищение, а на деле — просто захотят сбить с тебя спесь и превратить в свою шавку. А если проиграешь — можешь и вовсе не вернуться домой. Хорошо, что у него нет дома.

— Стой!

— Цзюй Гу, зачем ты упираешься? Босс искренне хочет принять тебя в свои ряды, — Ху Лаоэр с легким сочувствием посмотрел на юношу, чье тело было покрыто старыми шрамами и свежими ссадинами.

Босс прав, это отличный нож, чтобы убивать и грабить.

Юноша выглядел потрепанным, но стоял прямо, не желая ломаться.

— И что с того? Мне не нужна ваша защита, деньги мне не нужны, а псом я быть не хочу.

Цзюй Гу тыльной стороной ладони стер кровь с губ.

— Хоть вас и много, но раз уж драка началась, глупо останавливаться на полпути... Идите сюда!

Хуцю Хао нахмурился, машинально поглаживая перстень на пальце:

— Цзюй Гу, не будь упрямцем. Ты уже ранен, даже не используя оружия. Если мы начнем по-настоящему, ты погибнешь. Ты ведь сам понимаешь, что не одолеешь нас.

Цзюй Гу усмехнулся:

— Думаешь, я такой же никчемный, как ты?

Этого Хуцю Хао, может, и стерпел бы, но Ху Лаоэр пришел в ярость:

— Цзюй Гу! Да как ты смеешь так говорить о нашем боссе! Не наглей, не хочешь по-хорошему — будет по-плохому! Ты что, думаешь, Банда Тигриной Головы шутки шутит? Убийство для нас не пустой звук.

— Слишком много болтаешь.

Цзюй Гу прислонился к стене и ловко выхватил из-за пояса нож, заставив его вращаться в пальцах:

— Давайте всерьез. Посмотрим, стоите ли вы того.

Ху Лаоэр задохнулся от гнева, его грудь тяжело вздымалась.

Лицо Хуцю Хао помрачнело:

— Цзюй Гу, спрашиваю в последний раз: ты уверен, что лучше умрешь, чем присягнешь Банде Тигриной Головы? Это твой последний шанс.

Цзюй Гу презрительно дернул углом рта:

— Не хочу. Никак не могу.

Хуцю Хао поднял руку, подавая знак. Ху Лаоэр рывкнул:

— Взять его!

Из пятидесяти человек вперед бросились двадцать. Цзюй Гу действовал на опережение: схватил ближайшего противника за локоть и с хрустом вывернул сустав, затем метнул короткий клинок в другого и толкнул первого на остальных, сбив с ног еще нескольких. Мимо просвистел кулак, Цзюй Гу ловко уклонился, нанес сокрушительный удар ногой, затем развернулся и сбил с ног еще одного. Отпрыгнув назад, он ворвался в гущу врагов, врезал кулаком прямо в лицо одному, схватил за плечо другого, используя его как опору для прыжка, и нанес мощный боковой удар. Трое повержены. Сзади кто-то замахнулся, спереди другой ударил ладонью прямо в грудь. Цзюй Гу резко отступил влево, швырнул одного из врагов на другого, уклонился от серии ударов и, найдя брешь, нанес прямой удар в переносицу. Получив удар ногой в бок, он тут же согнулся и апперкотом выбил дух из нападавшего...

Ху Лаоэр, слушая крики боли, понял, что ситуация выходит из-под контроля.

— Босс, Цзюй Гу всё еще держится, несмотря на то что против него двадцать человек, смотрите...

Получив одобрение Хуцю Хао, остальные тридцать набросились всей толпой. Цзюй Гу начал сдавать, раны множились.

После тяжелого удара в челюсть он пошатнулся и отступил. Бандиты, почувствовав слабость, бросились добивать его.

Наверное, это конец... Цзюй Гу почувствовал во рту привкус крови, зрение затуманилось. Кто-то приближался. Он не видел удара, лишь инстинктивно вскинул руки, но вместо боли услышал крик противника. Кто-то оказался рядом с ним. Цзюй Гу попытался ударить, но чужая рука перехватила его движение, притянув к себе.

— Это я, Цзюй Гу.

Цзюй Гу полулежал на груди Вэня, в панике бормоча:

— Ты почему пришел?! Уходи! Здесь слишком опасно!

Услышав шаги, он попытался оттолкнуть Вэня, но тот прижал его к себе и отступил на шаг:

— Не дергайся, не мешай.

В следующее мгновение Цзюй Гу услышал серию криков и стонов.

Через минуту никто больше не решался нападать. Над головой прозвучал голос Вэня — бесстрастный, ледяной:

— Я редко мараю руки убийствами. Даю вам последний шанс: уходите или оставайтесь. Решайте.

Бандиты переглянулись, не смея пикнуть — они видели, как после одного удара этого мужчины их товарищу разmozжило голову.

Цзюй Гу, решив, что Вэнь просто хорохорится, прошептал ему на ухо:

— Не геройствуй, их слишком много, а босс даже не начинал драться. Ты один не справишься, беги, не обращай на меня внимания.

Вэнь не ответил, глядя прямо на главаря:

— Решили?

Цзюй Гу в отчаянии ущипнул его за бок:

— Ты что, не слышишь, что я говорю!

Вэнь поморщился от боли и второй рукой перехватил запястье Цзюй Гу.

— Я-то справлюсь, вот только ты с такими ранами до конца не доживешь, — спокойно пояснил он, глядя вниз.

Хуцю Хао заговорил:

— Сегодняшний инцидент исчерпан. Я Хуцю Хао, глава Банды Тигриной Головы. Могу я узнать, из чьих вы будете?

Цзюй Гу опешил. Неужели они так просто их отпустили?

Вэнь отпустил руку Цзюй Гу:

— Я ни из чьих. Но я могу решить, когда отправиться на тот свет вам.

Звучало дерзко, но в сочетании с его спокойным тоном заставляло верить. Хуцю Хао, словно ничего не заметив, с улыбкой раскланялся и ушел, уводя за собой подранков.

Когда шум машин стих, Цзюй Гу, едва удерживаясь на ногах, выплюнул сгусток крови.

Вэнь: ...

— Хотел выплюнуть — чего терпел? — Вэнь взвалил его на спину и зашагал прочь.

— Нехорошо, если выплуну, — глухо пробормотал Цзюй Гу, уткнувшись ему в плечо.

Выплюнуть кровь — и есть «хорошо» или «плохо»?

— Сколько ты дрался? У тебя кость на мизинце сломана, — Вэнь прикинул, что если Линь Шуяо увидит его в таком кровавом виде, то упадет в обморок.

— Около часа. Почему ты пришел? Где Линь Шуяо? — Цзюй Гу чувствовал, что теряет сознание от боли, но продолжал говорить.

Вэнь почувствовал, что состояние парня критическое, и ускорил шаг.

— Я уговорил её пойти на учебу. Она волновалась за тебя и попросила меня проверить.

Она любит учиться — это было ясно по Линь Шуяо из второго мира, поэтому он зачистил школу от отбросов, и теперь для неё всё началось с чистого листа. Он не обманул её: время страданий прошло.

Цзюй Гу почувствовал, как человек под ним о чем-то задумался, и спросил:

— О чем ты думаешь?

— О том, что она сейчас должна быть счастлива.

— В школе грязно, — хмыкнул Цзюй Гу.

— Я всё уладил. Она сказала, что ты никогда не ходишь к врачам, и наказала мне отправить тебя домой. Раз всё так серьезно, точно не хочешь в больницу? — Вэнь нахмурился.

— Умру, но не пойду, — усмехнулся Цзюй Гу.

— Не волнуйся, я сам врач. У меня дома полно лекарств.

Вэнь услышал, что голос парня слабеет.

— Ты как?

Ответа не последовало. Цзюй Гу потерял сознание.

Вэнь использовал силу, чтобы стабилизировать его состояние и спасти жизнь. Не дойдя до дома, он переместился прямо в комнату Цзюй Гу. Осторожно уложил его на кровать, нашел нужные склянки, обработал раны и дал лекарство. Убедившись, что угрозы жизни нет и лихорадка не начнется, Вэнь ушел.

Когда Цзюй Гу очнулся, в комнате никого не было. Он посидел немного, и вдруг его лицо залилось краской. Он закрыл лицо руками от стыда, отчего раны снова отозвались болью.

Вэнь предупредил каждого Исполнителя в этом мире дешифровки 3060. Хотя никто из них еще не завершил миссию, Вэнь опасался, что кто-то может навредить Линь Шуяо. В процессе он

понял многое: например, что их основная цель — вовсе не дешифровка, а второстепенные задачи вроде накопления богатства или выполнения странных сценариев соблазнения.

Вэнь мгновенно осознал, что происходит, когда изначальное желание искажается и раздувается до абсурда. Его собственное желание было простым: просто жить, покинуть этот мир и вернуться в свой.

Исполнители... что они исполняют? Вэнь всё меньше понимал.

Ладно. Вэнь посмотрел на мешок риса и овощи на кухне. Скоро пора забирать Линь Шуяо.

Хм... так жарко, куплю ей по пути арбузный сок со льдом. Какой предлог придумать? Скажу, что это награда за прилежную учебу? Отлично.

День сменял ночь, время летело быстро. Пошел десятый день.

Сейчас полночь и одна минута. Осталось 23 часа 59 минут.

Вэнь в растерянности стоял у кровати Линь Шуяо. Он не знал, зачем пришел и что делать, просто чувствовал, что должен что-то предпринять, но ничего не мог.

Через некоторое время он ушел в свой реальный мир.

В огромной вилле трое мужчин сидели на диване. Атмосфера была странной.

— Цзян Кэ, мой возлюбленный. Вэнь Юй, мой близкий друг, — представил их Хуай Синьинь.

Вэнь встретился взглядом с Цзян Кэ, сидевшим в объятиях Хуай Синьиня. Взгляд Вэня был спокойным, Цзян Кэ — настороженным.

— Привет, Цзян Кэ. Я Вэнь, — произнес он с легкой улыбкой.

Цзян Кэ, словно перед лицом смертельной опасности, сглотнул:

— Привет. Я Цзян Кэ, возлюбленный Синьиня.

Вэнь приподнял бровь, услышав, как тот выделил слово «возлюбленный».

Что ж, всё как всегда.

Вэнь слегка покачал бокал с красным вином:

— Хуай Синьинь, он всё такой же. Ни капли не изменился.

Хуай Синьинь усмехнулся, его низкий голос действовал на нервы:

— Кто знает, может, в следующий раз будет иначе.

Вэнь поднял бокал:

— Верно. Ты всегда отличался терпением.

Хуай Синьинь чокнулся с ним:

— Взаимно. Мы оба такие.

Вино в бокалах дрогнуло, Хуай Синьинь осушил свой до дна.

Цзян Кэ чувствовал себя не в своей тарелке. Он не понимал, о чем они говорят, слишком много секретов скрывалось за их словами. К тому же, после встречи с этим мужчиной настроение Синьиня заметно улучшилось.

Цзян Кэ стало тоскливо, и он пробормотал:

— Простите, вы тут пообщайтесь. Я что-то устал, пойду посплю.

Он поднялся с колен Хуай Синьиня, тот потянул его обратно и поцеловал в лоб:

— Сладких снов. Позже всё объясню.

Цзян Кэ смахнул его руку и, хмурясь, пошел наверх. Обернувшись на повороте, он увидел, что Синьинь и тот мужчина весело беседуют, и в ярости захлопнул дверь комнаты.

Вэнь отпил вина:

— Кажется, он злится. Не пойдешь утешить?

Хуай Синьинь, чье лицо в свете ламп казалось особенно четким, застегнул верхнюю пуговицу рубашки:

— Конечно, пойду. Но не сейчас.

Вэнь откинулся на спинку кресла и закрыл глаза:

— В этом мире он слишком ребячлив.

Хуай Синьинь тихо рассмеялся:

— Ничего, зато легко вымаливает прощение.

Тоже верно. Для тебя, если это он, всё не имеет значения. Так было всегда.

— Почему ты здесь? Этот мир дешифровки 3060 не относится к твоему, — спросил Хуай Синьинь.

— Тебе можно пасть ради красавицы, а мне нельзя? — невозмутимо ответил Вэнь.

— Какое падение? Стал Исполнителем? — Хуай Синьинь выпрямился. — Ты стал Исполнителем?

— Угу, — Вэнь ответил с ленцой. — Хуай Синьинь, мне некуда идти. Одолжи дом поспать.

— Не переводи тему, — Хуай Синьинь бросил в него подушку. — В чем дело?

Вэнь поймал её и медленно всё рассказал.

Хуай Синьинь нахмурился:

— Это невозможно. Осколки души, попадая в Девять тысяч миров, становятся самостоятельными личностями со своими чувствами и циклами перерождений. Как они согласятся вернуться в целое, потеряв сознание? Ты совсем не знаешь Чжоу, почему Чжэншэнь решил, что ты сможешь вернуть его осколки? Тут слишком много вопросов.

Вэнь открыл глаза, в которых сгустилась тьма:

— Я знаю. Но у меня нет выбора. Другого пути нет.

Хуай Синьинь замолчал.

В глазах Вэня стоял туман, голос звучал ровно:

— Я не питаю особых надежд и не боюсь смерти. Хуай Синьинь, ты знаешь, что я пытался защитить последние триста лет. Ты не сможешь меня отговорить. Если бы не те крупницы доброты, что сохранились в моей памяти, я бы давно уничтожил этот мир.

Хуай Синьинь улыбнулся:

— Я и не собираюсь. Мы оба такие.

Затем он сменил тон:

— Но мы с тобой друзья не одну жизнь. Береги себя.

Вэнь:

— Не бойся. Эта жизнь стоит гораздо больше, чем я сам.

Он мельком глянул вверх и улыбнулся:

— Больше не буду болтать, у меня есть просьба. — Вэнь передал послание через ментальную связь.

Хуай Синьинь кивнул. Вэнь встал, собираясь уходить.

— Ты же говорил, что некуда идти? Оставайся, — Хуай Синьинь тоже поднялся.

— Нет, — Вэнь бросил взгляд вверх.

Хуай Синьинь понял:

— Ладно. Тогда не держу.

Вэнь развернулся и ушел. В голове прозвучал голос Синьиня:

«Что бы ни случилось — приходи ко мне. Только не вздумай умереть».

Вэнь ответил:

«Хорошо».

После ухода Вэня Хуай Синьинь поднялся наверх. Цзян Кэ, увидев его, бросился в комнату, выключил свет и притворился спящим.

Через некоторое время он услышал щелчок замка. Шаги приближались. Цзян Кэ затаил дыхание, стараясь не выдать себя. В темноте он услышал шорох одежды, а затем кровать под ним прогнулась.

— Цзян Кэ, ты спишь? — Цзян Кэ был в шоке: вопреки обыкновению, Синьинь не стал приставать!

Цзян Кэ промолчал, желая узнать, что будет дальше.

Вскоре он услышал сонный голос Синьиня:

— Ну, тогда я тоже спать. Спокойной ночи.

Вот черт! Что за дела?

Десять секунд, минута, пять, десять, пятнадцать...

— Хуай Синьинь? — прошептал Цзян Кэ.

Тишина.

Цзян Кэ перевернулся на бок.

— Хуай Синьинь? — громче позвал он.

Никакого ответа.

— Хуай Синьинь, ты сволочь! — он на ощупь ткнул его в лицо.

— Ты, старый лис, обманщик, бессердечный, бездушный, лицемерный мерзавец, гуляющий тип...

Убедившись, что реакции нет, Цзян Кэ осмелел:

— Ты, гад, почему вечно меня обижаешь? А теперь, когда я тебя соблазнил, ты пошел к другим мужчинам? Думаешь, я не могу впечатать тебя в стену? Не сомневайся, я крут! — он слегка хлопнул Синьиня по щеке, а затем еще пару раз.

— О-о, какая нежная кожа, — он процитировал фразу из сериала: — А ты ничего, красавчик. Я положил на тебя глаз, иди сюда, дай поцеловать.

Он украдкой поцеловал Синьиня в темноте.

— Неплохо! Если будешь хорошо себя вести, я тебя вознагражу! — Цзян Кэ сдерживал восторг. Черт возьми, наконец-то он главный!

— Хуай Синьинь, дождался? Раньше ты был таким важным, а теперь в моих руках!

— Иди сюда, Синьинь-красавица, поцелуй меня еще раз.

Он покраснел и снова чмокнул его.

— Мама дорогая! Синьинь-красавица, приказываю тебе: больше никаких шашней на стороне, никаких разговоров с другими мужчинами за моей спиной, никаких прикосновений к другим... Нет, не так — никто не смеет к тебе прикасаться, только я! И никаких флиртов, никаких ночевок вне дома, и еще... еще... — он задумался. — Что еще?

— Конечно, еще! Домашних правил будет много! Как придумаю... — голос Цзян Кэ оборвался. Кто это только что говорил?

— Черт! Хуай Синьинь, ты старый лис!

Не успел он закончить, как оказался прижат к кровати. Над ним раздался низкий, вкрадчивый голос:

— Цзян Кэ, я раньше не замечал, что у тебя так много требований.

— Ха, ха-ха, кхе, я просто лунатил... во сне разговаривал, веришь? — Цзян Кэ не мог понять по голосу, злится ли тот.

— А ты как думаешь? — ответил вопросом на вопрос Хуай Синьинь.

— Синьинь такой добрый, мужественный, умный, красивый, благородный, талантливый... Ты точно мне поверишь, да?

— Цзян Кэ, ты правда так думаешь? — голос Синьиня стал еще ниже.

Цзян Кэ тут же начал клясться:

— Конечно! Разве я могу тебе врать? Поверь мне! Ты уникален, нет никого лучше тебя, ты идеал... — он продолжал сыпать комплиментами, пока не выдохся.

Хуай Синьинь рассмеялся:

— Я верю тебе.

Цзян Кэ: «Что?!!! Поверил? Просто так поверил?»

Хуай Синьинь:

— Еще хочешь поцеловать?

Цзян Кэ: «Он всё слышал! Он притворялся!»

Хуай Синьинь:

— Тогда я поцелую тебя.

Цзян Кэ поднял голову и чмокнул его:

— Синьинь, я был неправ, больше не буду ревновать, не буду устанавливать правила, прости меня на этот раз, я больше никогда не буду так делать! Клянусь!

Хуай Синьинь усмехнулся:

— Цзян Кэ, красавица, давай-ка я сегодня хорошо о тебе позабочусь?

Всё кончено. Хуай Синьинь, ты старый лис!

<http://bllate.org/book/18589/1790413>